Кьяра

# Дракула. История любви: тени на холсте

Кьяра

# Дракула. История любви: тени на холсте

«Автор»
2025

**Кьяра**

Дракула. История любви: тени на холсте / Кьяра — «Автор», 2025

Лайя – талантливая художница, чья жизнь кажется идеальной: красивый дом, влиятельный муж, прекрасные дети. Но за фасадом благополучия скрывается жестокая правда – её брак давно превратился в золотую клетку, где каждое её действие, каждый мазок кисти контролируется властным супругом. Когда Лайя начинает работу над новым автопортретом, происходит нечто странное. Холст будто оживает – на нём появляются тревожные образы, которых она не рисовала: тёмные цветы, трещины, силуэты из прошлого. Одновременно её дочь Мерьем начинает видеть кошмары, удивительным образом связанные с картиной.

© Кьяра, 2025
© Автор, 2025

# Содержание

Глава 1. Запертый свет 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

# Кьяра
# Дракула. История любви: тени на холсте

## Глава 1. Запертый свет

Пыль кружилась в узких лучах солнца, пробивающихся сквозь щели тяжелых бархатных штор. Он не любил солнечный свет – не только потому, что он выявлял каждую пылинку на безупречной поверхности его мира, но и потому, что эти лучи напоминали ему о прошлом проклятии, которое столетиями приковывало его к стенам города. Лишь с закатом, когда солнце угасало, превращаясь в багровый шрам на горизонте, он разрешал открывать шторы. В эти часы Лайя замечала, как его пальцы непроизвольно сжимались, будто он пытался удержать последние капли света – единственное, что напоминало ему о времени, когда он еще был свободен.

Она провела пальцем по холсту, оставив за собой чистую дорожку среди слоя пыли. Этот след был похож на трещину в идеальной маске их жизни. Воздух в мастерской стоял неподвижный, словно застывший в ожидании. Даже запахи масляной краски – обычно такие живые – сегодня казались приглушенными, как будто и они боялись нарушить тишину. Но это была не та тишина, что обволакивает покоем. Это был гнетущий гул, звонкий, как натянутая струна перед разрывом.

За окном, в нескольких метрах, сквозь стеклянные преграды, бурлила городская жизнь. Гул мегаполиса, крики чаек, детский смех проникали в её пространство, словно фрагменты из другого мира. Её мир был ограничен четырьмя стенами, освещёнными холодным северным светом, который Махмед, с проницательностью, позволял использовать как источник вдохновения. В центре этого замкнутого пространства стояла палитра с засохшими красками, напоминавшими кристаллизовавшиеся слёзы. И дети – три символа их несчастливого брака. Арсен уже смотрел на мать глазами отца, что свидетельствовало о глубоком психологическом воздействии на ребёнка. Демир предпочитал уединение, словно прячась от внешних раздражителей. А Мерьем, тихо произнося: «Мама, ты где?», причиняла ей боль, сильнее любых словесных упрёков. Девочка искала ту женщину, которая носила платья, напоминавшие небеса, и смеялась так звонко, что стёкла дрожали в рамах.

Лайя стояла перед чистым холстом, на котором её взгляд невольно останавливался, ощущая диссонанс между её внутренним миром и этой белой поверхностью, вызывающей визуальный дискомфорт. Она долго думала, что нарисовать: окно в другой мир, свои скрытые чувства или настоящий портрет себя после долгого времени? На стене гостиной висел её автопортрет, выполненный с безупречной техникой: идеальная улыбка и спокойный взгляд, что вызвало одобрение со стороны её супруга. Однако, как стало очевидно, этот образ представлял собой лишь поверхностную маску, предназначенную для посторонних наблюдателей.

В последний раз, когда Лайя попыталась отразить свою истинную сущность, Махмед, её муж, резко отреагировал на её работу, выбросив холст в камин. Его слова были резкими и категоричными: «Это не ты. Я знаю свою жену лучше». Этот инцидент стал поворотным моментом в её жизни, заставив её задуматься о природе самовыражения и его влиянии на восприятие её личности окружающими.

Уголь хрустнул в ее пальцах, оставив на коже черные следы. Первая линия легла на холст без эскиза и плана – словно рука действовала сама, помня движения, которые годы подавления не смогли стереть. Контур лица получился угловатым и несовершенным. Скулы выглядели слишком острыми, рот – шире, чем принято на «одобренных» портретах. А глаза… Она выво-

дила их дольше всего, пытаясь заглянуть в глубину зрачков и увидеть ту, кого прятала годами. Но вместо себя она видела лишь пустоту – бездонный колодец, в который сбросила все, что делало её Лайей.

Она отшатнулась. Это лицо было одновременно чужим и до боли знакомым – как отражение в разбитом зеркале. Рука потянулась к разбавителю, но замерла в воздухе. В груди что-то щелкнуло – не страх, а осознание: так выглядит правда.

В этот момент в коридоре раздались шаги – тяжелые, размеренные, с той идеальной ритмичностью, с которой Махмед выстраивал всю их жизнь. Лайя набросила на холст тряпку, запахнув свою тайну, как когда-то запахивала халат, скрывая синяки от «слишком горячих объятий». Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из клетки грудной клетки. Он не должен увидеть.

Дверь открылась беззвучно – петли были смазаны по его приказу, чтобы он всегда мог войти незваным. Он заполнил проем, как всегда – безупречный, как его любимые шторы. Взгляд скользнул по ней, задержался на прикрытом холсте.

– Работаешь? – голос был ровным, но в нем читался вопрос: Как ты посмела?

– Набрасываю… мысли», – голос предательски дрогнул на последнем слове. Под его взглядом даже пыль на мольберте казалась провинностью.

Он кивнул, не удостоив взглядом её дрожащие руки. Галерея «Ка' Пезаро» прислала приглашение. Через месяц. В Венеции. Твоя старая работа, «Утренний Свет». Будешь готова показать её?». Это будет твой второй выход в свет, подготовься.

Старая работа. Всегда старая. Всегда – его выбор. Всегда – та Лайя, которой больше не существовало.

– Да, Махмед. Губы сами сложились в привычную улыбку-маску.

Он повернулся, оставив за собой шлейф тишины. Когда дверь закрылась, Лайя сорвала тряпку с холста. Пустые глаза портрета осуждающе смотрели на нее: «Кто ты?» За окном угасал последний луч заката, погружая комнату в тени.

В углу мастерской, на подоконнике, забытая Мерьем, лежала кукла – та самая, что когда-то принадлежала самой Лайе. Её стеклянный глаз поймал последний луч заходящего солнца, бросив на пол крошечное световое пятно. Оно дрожало, как воспоминание о том дне, когда мать подарила ей эту куклу, еще до замужества, до Махмеда, до этой жизни-клетки. Теперь глаз слепил Лайю, будто напоминая: Ты же видела. Всегда видела. Просто закрывала глаза.

Она рефлекторно закрыла глаза, однако осознание неизбежного уже настигло её: нечто горячее и солёное начало подниматься к горлу. Это были не слёзы. Пока нет. Это была ярость, которая, подобно накопленной воде за дамбой его запретов, годами. Уголь в её кулаке хрустнул, оставив на ладони чёрные метки – первые настоящие краски за долгие годы. Линии жизни теперь пересекал угольный шрам – отметина бунта, который ещё не знал своего имени.

Ярость вспыхнула и погасла, оставив после себя лишь горький осадок. Разжав пальцы, Лайя рассматривала въевшуюся в кожу чёрную пыль. Она пыталась стереть её грубой тканью, но тёмные прожилки остались, как тавро – напоминание о выборе, который предстояло сделать.

Дверь внезапно распахнулась, и в мастерскую влетела Мерьем. Её русые волосы растрепались, а глаза широко раскрылись от удивления.

– Мама! Арсен говорит, что папа рассердится, если ты не придешь! – её голосок звенел тревогой, отражая атмосферу дома, которую впитывали даже дети. Глаза девочки скользнули к прикрытому холсту, потом к черным пальцам матери. В них мелькнуло что-то взрослое, понимающее. Слишком понимающее.

– Иду, солнышко, – Лайя натянула улыбку, точь-в-точь как на одобренном портрете в гостиной, холст на мольберте она накрыла грубой тканью.

Пока Мерьем мыла руки, Лайя подошла к окну. В щели между штор виднелся кусочек набережной: молодая пара кормила чаек, девушка в жёлтом платье кружилась под музыку

ветра. Её платье было такого же цвета, как то, что носила Лайя в день, когда встретила Влада… Рука сама дёрнула шнур – бархат с грохотом сомкнулся, отрезая последний луч свободы.

Её мир был здесь. Запертый. Охраняемый.

Тишина в столовой была настолько густой, что звон серебряных приборов о фарфор звучал как удары молота. Махмед во главе стола напоминал холодный мраморный монумент. Арсен старательно копировал его позу – уже в свои десять лет он усвоил, что эмоции неприличны.

Только Демир, их второй сын, жил в своём мире, безмятежно уплетая пудинг. Он один не участвовал в этой немой игре – не становился ни на сторону отца, ни матери. Его равнодушие было почти благословением.

– Ты молчишь, Лайя, – голос Махмеда разрезал тишину. Он не смотрел на неё, вытирая губы салфеткой с тщательностью хирурга.

– Устала, – она машинально потянулась к супу. Овощной крем-суп. Безвкусный. Без цвета. Как и все её дни.

– Рисование требует сил? – в его вопросе вилась тонкая нить угрозы. Не слишком ли много ты тратишь себя на это?

– Это… отдушина, – она опустила глаза, чувствуя, как жжёт копоть на ладони под столом.

Его взгляд наконец поднялся – тёмный, бездонный, как глубокое озеро в безлунную ночь. Он изучал её лицо, ища трещины в фасаде.

– Отдушина должна освежать. Не пачкать, – его пальцы указали на её руку. В складках кожи у запястья всё ещё виднелись чёрные точки.

Лайя быстро убрала руку под стол. Сердце снова забилось бешено.

– Я… постараюсь быть аккуратнее.

– Смотри, – он отпил вина. Глоток был медленным, обдуманным. –

– Платье новое. Шелк. Не испачкай.

Её «хорошо, Махмед» застряло в горле комом. Она лишь кивнула, чувствуя, как жар от черных точек на руке распространяется по всему телу.

Позже, укладывая Мерьем, девочка прошептала, обнимая её за шею:

– Мама, почему папа боится цветов?

– Каких цветов, солнышко? – Лайя замерла.

– На той картинке… что ты прячешь. Там за твоей спиной… они тёмные. Папа их не любит?

Лайя похолодела. Она не рисовала никаких цветов! Только… тень, свою тень, которая теперь жила своей жизнью.

Она убаюкала дочь, напевая старую колыбельную, которую знала ещё от своей матери. Голос дрожал. Когда Мерьем заснула, Лайя почти бегом вернулась в мастерскую. Сорвала холщовое покрывало с мольберта.

Автопортрет все так же смотрел на нее пустыми глазами. Но теперь… теперь за её правым плечом, в глубокой тени, угадывались контуры. Нечеткие, размытые, словно проступающие сквозь влажную бумагу. Но это были не просто мазки угля. Это были бутоны. Темные, тяжелые, сомкнутые. Похожие на нераспустившиеся пионы, но лишенные жизни и цвета. Как предчувствие траура. Темные цветы.

Лайя отшатнулась, натыкаясь на стул. Холодный ужас, непохожий на привычный страх перед Махмедом, пополз по спине. Это не её рука их нарисовала. Она была уверена. Картина жила своей жизнью.

Она схватила банку со скипидаром и тряпку. Надо стереть это! Я этого не писала! Стереть немедленно! Но рука с тряпкой замерла в сантиметре от холста. Что, если стереть не получится? Что, если это… глубже? Что, если, стерев, она сделает хуже?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.